

Миф 1: *Православие в Эстонии и завоевание Остзейского края Петром I находятся в прямой причинно-следственной связи; массовый переход эстонцев и латышей из лютеранства в православие обусловлен надеждами на получение земли, освобождение от повинностей, переселение в теплые края и прочими меркантильными интересами.*

Православие на территории современной Эстонии зародилось не позднее XI века и поначалу мирно проповедовалось одновременно с католичеством, пока в XIII веке распространение православной традиции не было насильственно прервано экспансией крестоносцев. В Тарту православные держались до 1472 года, когда были замучены приходской пастырь святой Исидор Юрьевский с 72 прихожанами, а незадолго до этого ушедший оттуда священник Иоанн Шестник (в монашестве – Иона) основал Псково-Печерский монастырь, преподобный игумен которого Корнилий в XVI веке, когда, казалось бы, православие было окончательно выкорчевано в этом крае, проповедовал не только эстонцам, жившим в окрестностях монастыря, но доходил до Нарвы, основал приходы в Нейгаузене (ныне – Вастселийна) и в других местах.

В начале XVIII века Петр I завоевывает Остзейский край, затем, по Ништадтскому мирному договору от 10.09.1721 г., выкупает его у Швеции. В актах о капитуляции лифляндского и эстляндского балтийско-немецкого рыцарства, подписанных в 1710 г., оговариваются в том числе и вопросы вероисповедания. Русское царство гарантировало на этих территориях сохранение лютеранства, со своей стороны выдвинув условие свободы распространения православия. После этого логично было бы ожидать со стороны государства и Церкви осуществления масштабной и целенаправленной миссии.

Однако возрождение православия, преимущественно в Лифляндии, приходится не на XVIII век, как того можно было бы ожидать, а лишь на середину XIX в., точнее на 1841 г. Причем начинается этот процесс не по инициативе Государя и Святейшего Синода, а поначалу скорее *вопреки* воле русского правительства, традиционно опиравшегося в Лифляндии и Эстляндии на власть остзейского немецкого дворянства, которое очень жестоко отреагировало на стремление эстонских и латышских крестьян присоединиться к православию. Обращение в православие и пребывание в нем на долгие десятилетия стало исповедничеством. Землю под постройку храмов помещики (за редким исключением) не давали, не позволяли использовать и арендуемые крестьянами помещения. Многие приходы не имели церквей, люди молились в частных домах, казармах, конюшнях, сараях и т.п. (интенсивное храмостроительство начинается только в 70-е гг. XIX века). Гонения со стороны помещиков, равнодушие правительства и насмешки «благоразумных» соплеменников приносили свои плоды: многие новообращенные стали подавать заявления о своем желании вернуться в лютеранство.

Что не все новообращенные выстояли в искушениях – это неудивительно. Удивительно другое: от православия, например, в период 1865–1870 гг. отпала всего $\frac{1}{4}$, а $\frac{3}{4}$ остались верны. Уже одним только этим фактом опровергается миф о том, что эстонцы и латыши, обращавшиеся в православие, были мотивированы вышеупомянутыми корыстными, меркантильными интересами.

И когда в начале 80-х гг. XIX века началась новая волна присоединения к православию, на этот раз уже в Эстляндской губернии, все уже слишком хорошо знали, что никаких земных выгод это не сулит, зато гарантирует скорби. Правда с воцарением в 1883 г. Александра III ситуация постепенно начала меняться. Он был первым императором, который велел правительству «поддержать вновь обратившихся и не давать их в обиду». Беда только в том, что эта поддержка происходила одновременно с так называемой «русификацией». И хотя через присоединение эстонцев к православию и дальнейшее их воцерковление никакой русификации не происходило; несмотря на то, что в церковной политике, как это ни странно для синодального периода, мы наблюдаем *самостоятельный, независимый от веяний времени курс на религиозное просвещение с погружением в богослужебную жизнь на родном языке*, все же этот государственный политический курс, ударивший по стремительно развивавшемуся национальному чувству, вызвал рост антирусских настроений не только среди немецкой знати, но и среди латышей и эстонцев. Что не могло не сказаться пагубно и на отношении к православию в народе. Как отмечает прот. А. Берташ, массовый «переход в православие в 1890-е гг. прекратился». Так что миф, согласно которому русификация стимулировала переход из лютеранства в православие, опровергается историческими данными.

Но миф на то и миф, чтобы не подлежать критическому осмыслению, не принимать информацию, ставящую под вопрос его достоверность. Предпочтение мифологического мышления научному и философскому – это результат не столько интеллектуального, сколько морального выбора.